

- Что для тебя Наруто Узумаки? - Хирузен повторил вопрос, который только что задала ему Кохару. Это был странный вопрос, и он был похож на подставу. Кем был Наруто для него? Очевидным было, что сын Минато и джинчурики. Талантливый чунин? Источник сожалений? Бывший суррогатный внук? Некогда надежда на будущее? Он не знал, чего хотела Кохару этим вопросом, и, казалось, его лицо выдавало его замешательство.

- Пока ты думал, ты перечислил наследников клана? - нейтрально спросила она.

- Нет.

- А если предположить, что миссия Анко увенчалась бы полным успехом, предположим, они бы даже поженились, что бы произошло?

- Он бы освободился от Орочимару.

- Черт возьми, Хирузен, подумай. Не заикливайся, не реагируй, думай. - И он задумался, так как явно упустил важный фрагмент головоломки, пока ее не ударило легкое дзюцу райтона. - Наследник клана, как в делах клана.

- Как если бы ты посадил матриарха в клане, у которого ты украл деньги. Ты понимаешь, как плохо это могло бы закончиться, если бы узнали, что ты вообще планировал сделать такое? - спросила Кохару.

- Я совсем упустил это из виду. Я действительно потерял свое преимущество, не так ли?

- Возраст сделает свое дело. Я тоже не обратила на это внимания, но Цунаде указала мне на это, так что, по крайней мере, я знаю, что у нее хватит ума сесть в кресло. Хирузен, она вернулась. Она никуда не уйдет. Если бы у нее был какой-то грандиозный план, возможно, ты смог бы раскрыть его десять лет назад, но сейчас ты этого не сделаешь. Все, что ты делаешь, это совершаешь ошибки, ошибки, которые могут повредить положению Хокаге еще долго после того, как ты покинешь его. - Хирузен мог лишь позорно повесить голову, она была права во всем.

- У нее есть причины ненавидеть меня. И эти причины дали ей основание стать монстром. Что если Наруто решит, что он тоже может стать монстром?

- Они разные люди. И если ты не хочешь, чтобы он стал монстром, не давай ему повода вести себя как монстр. Кроме того, я читал отчеты Иноичи. Он уйдет прежде, чем начнет мстить. Наш горнист будет в наибольшей опасности. У него есть команда, он заводит друзей. Такому, как он, никогда не требовалось многого, чтобы привязать его к деревне.

Хирузен не потрудился ответить, надеясь, что его бывший товарищ по команде прав.

После того, как Сандайме чуть не подставил ее, Анко нужно было побыть одной, и единственным местом, где она могла быть уверена, что будет изолирована, был Лес Смерти. Здесь было приятно расслабиться, когда никто не смотрит, бездумно крушить вещи или просто мчаться по густому лесу. Она чувствовала себя как дома, потому что это было место, не связанное с ее бывшим сэнсэем. Здесь не было никаких следов. Никто не осуждал, не смотрел на нее с подозрением. Она была свободна. И вот, занимаясь спортом, она не была рада увидеть человека, которого не хотела видеть, потому что он всегда стоял над ней.

Неужели это конец? Ее сэнсэй наконец-то собирается покончить с ней? Зачем она ждала? Чтобы заставить ее страдать в течение многих лет остракизма? Почему...

- Перестань задавать себе столько вопросов, когда у тебя недостаточно информации, чтобы сделать какие-либо выводы. Ты только заставляешь себя волноваться и напрягаться. Если бы я была здесь, чтобы напасть на тебя, а я не нападаю, ты уже дала мне преимущество.

- Чего ты хочешь?

- Снять твою печать. - Орочимару сказала прямо.

- Это не смешно! - закричала Анко.

- Я не шучу. Если ты не собираешься ее использовать, то нет смысла в ее существовании. Ты хочешь, чтобы его не было или нет?

- Конечно, хочу. Что ты хочешь взамен? Зачем это делать сейчас?

- Ничего, мне ничего от тебя не нужно. А почему сейчас? Это неважно.

- Это важно для меня. Ты не альтруист, ты не просто делаешь что-то для людей по доброте душевной.

- Я теряю терпение с тобой, Анко-чан. Ты хочешь снять печать или нет?

- Хочу.

- Хорошо. А теперь постарайся не кричать слишком громко, - сказала Орочимару, прежде чем расплыться перед Анко. В следующее мгновение Анко поняла, что действительно кричала очень громко, пока не потеряла сознание от боли. Орочимару поймала свою первую ученицу с хмурым выражением лица, надеясь, что Анко сможет справиться с последствиями снятия печати.

Ее тело было тяжелым, каждая мышца напряжена, и даже мысль о том, чтобы пошевелиться, причиняла ей боль. Простыни промокли насквозь, она замерзла, а от раскалывающейся головной боли звенело в ушах. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что она видела во сне. На протяжении многих лет Анко никого не ненавидела больше, чем своего сэнсэя. Она ненавидела все в этой женщине, воплощении всего дурного, что было в их мире.

Теперь она просто хотела покончить с собой, когда к ней вернулась память о двух годах отсутствия. Она была там, рядом с ней. Участвовала в экспериментах, пытках и ненужном кровопускании. Если бы Орочимару приказала ей сжечь деревню, Анко сделала бы это, потому что так велела ей ее сэнсэй. Это было так просто, ее послушание было таким бездумным, рефлекторным. Даже когда она сомневалась, даже когда ей было плохо от того, что она делала, она старалась скрыть это от Орочимару. Анко не хотела, чтобы та думала, что ее ученица не справляется, что у нее не хватает духу выполнить то, что от нее требуется.

Но в конце концов она достигла своего предела, когда ее попросили подготовить маленького ребенка к эксперименту, Анко сломалась. Она превратилась в дрожащую массу и с трудом выдавила из себя извинения между рыданиями. Орочимару улыбнулась и погладила девушку по голове, сказав ей, что она не должна этого делать. На следующий день Анко получила проклятую метку и больше ничего не помнила, пока ее не нашла ударная группа Конохи некоторое время спустя.

Она ненавидела себя. Ненавидела то, что она сделала. Ненавидела, почему она это сделала. Она ненавидела даже то, что ее преданность не ценилась, а считалась пагубной чертой. Все, что она делала, чтобы угодить этой женщине, а ей было все равно... Анко стала монстром для монстра и была брошена из-за этого. Ужасно больно было осознавать, что все это было напрасно. Орочимару ценила белокурого Узумаки, так не похожего на нее, но презирала Анко.

Это была грустная шутка, она была грустной шуткой; идеальное пересечение трагедии и фарса. Недостаточно хороша, чтобы быть ее ученицей. Недостаточно унижена, чтобы быть ее ученицей. Не достойна даже убийства.

Просто игрушка, с которой Орочимару устала играть, а потом бросила.

<http://tl.rulate.ru/book/68651/1970192>